

Мемор
CAM

ПАВЕЛ КОВЕРДА

МАСТЕР „САМ“

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Артемовский 5

1 9 9 2

Рецензент

Л. Б. Бейлин —

**Почетный работник угольной промышленности
Директор шахтоуправления «Егоршинское»**

Коверда Павел Трофимович

МАСТЕР «САМ»

В книжке рассказано о творческой судьбе нашего земляка, замечательного умельца, мастера микроминиатюр Александра Матвеевича Сысолятина. С его поделками были знакомы многие ученые-медики, в частности хирурги, писатели, журналисты, государственные и общественные деятели нашей страны и ряда зарубежных государств. Своим талантом он удивлял товарищей по работе — шахтеров и всех, знавших его.

Это документальное повествование о Мастере с золотыми руками и щедрым сердцем, Почетном гражданине нашего города.

1. СУВЕНИР ЛЕТИТ ЗА ОКЕАН

В иллюминаторе просматривались бескрайние водные просторы. Потрепанная четырехмоторная «Британия», один из немногих самолетов, доставшихся по «наследству» революционной Кубе, держала курс из Праги (с кратковременной посадкой в Ирландском аэропорту Шанон) через Атлантический океан на остров Свободы. Так тогда именовалась Куба.

Кроме советских туристов, в числе пассажиров были представители многих стран. Шел 1963 год. Куба только-только выстояла в карибском кризисе и многие стремились увидеть страну бородатых революционеров.

Водная стихия заполняла все до горизонта. Самолет, казалось, работал на пределе. Или от излишней нагрузки, или может быть возраст давал себя знать, но явно чувствовалась усталость «Британии». Объявили, что следующая посадка в Канаде, в аэропорту Галифакс. Дотянуть бы. Волнение еще более усилилось, когда в салон вошла стюардесса, красавица - мулатка, и сообщила на «всякий случай», что у каждого под сиденьем находится самонадувающийся спасательный пояс-мешочек с порошком для отпугивания акул и свисток. Как по команде, все пассажиры руками проверили: «Да, что-то под сиденьем есть».

Надуется ли пояс автоматически, когда это

потребуется? Эффективно ли будет действовать порошок, когда по соседству окажутся шустрые акулы? Услышит ли кто-нибудь (способный не только услышать, но и оказать помощь) звук свистка?

Помнится, волновало меня не это. Эффективность и надежность предусмотренных мер в случае вынужденного приводнения почему-то не подвергались сомнению. Проникнуть страху в мое существо, наверное, мешала какая-то кинематографическая романтика возможных событий. Беспокойство у меня было совсем другого свойства. В чемодане, который стоял в салоне рядом, находились две вещи, за судьбу которых я особенно переживал. Это переживание даже как-то отодвинуло на задний план главное опасение — за саму жизнь. Приятель одолжил мне на период поездки кинокамеру. Экстра-класс. Дорогостоящую. И я сейчас «проигрывал» мысленно свои действия в случае того самого момента, когда придется прибегнуть к самонадувающемуся поясу. Выходило, что мне обязательно надо было (параллельно с действиями по вводу в работу аварийных принадлежностей) успеть раскрыть чемодан, выхватить кинокамеру и потом стараться держать ее на вытянутой руке, чтобы уберечь от захлеста морской волной. Сейчас, много лет спустя, понятна вся наивность этого намерения, но тогда, помнится, я был твердо уверен, что тактика определена верная.

Вторая вещь, которую необходимо было успеть выхватить из чемодана и держать при себе, не требовала изоляции от влаги. Но она требовала особой сохранности. Это была бутылка из-под кубинского рома. Плотная пробка исключала попадание внутрь воды. В конце концов она, не утонув, прибилась бы когда-нибудь к берегу или попала бы на плаву в человеческие руки. Но когда? Через год, два, десять? Какой-то счастливчик сделал бы сенсационное сообщение о находке.

Но, конечно, самый лучший вариант, когда самонадувающийся пояс и остальные принадлежности, покоящиеся под моим сиденьем, будут оставаться нетронутыми не только до посадки на Кубе, но и до полного срока службы старины «Британии».

Путь до Кубы еще не близок и есть время рассказать не только об этой загадочной бутылке изпод кубинского рома, но и предисторию появления ее.

В один из февральских дней 1958 года в Егоршинский райком партии приехало много народа на совещание. В ожидании начала собрались в кабинете инструкторов. Народ подобрался веселый, разговорчивый. Делились новостями, предсказывали темы выступлений на совещании. Вдруг, как по команде, все затихли. Диктор московского радио передавал новости:

— В Москву, в один из музеев, поступил необыкновенный экспонат. Бутылка, внутри которой деревянное ведро. Десятки посетителей задерживаются возле этого экспоната. Изготовил его один тульский мастер — пенсионер. Издавна, — продолжал диктор, — славится Тула мастерами. Не зря писатель Лесков написал о том, как тульский мастер Левша «аглицкую блоху подковал»... На изготовление ведра в бутылке мастер затратил более трех с половиной месяцев.

Не успел утихнуть голос диктора, как кто-то произнес:

— Тоже мир удивил!

Все оглянулись. Эти слова произнес недавно пришедший в райком инструктор Сысолятин. Необычно было. Все привыкли видеть в нем скромного и сдержанного работника. А он распалился.

— Хотите, вот в таком графине сделаю не ведро, бочонок. Нальем воды в него и вода не вытечет. Но я не тульский мастер, а инструктор рай-

кома, и мне надо немного больше времени, месяцев шесть. Не верите?

Нашлись любители держать пари. Тут же подобрали «секундантов». Скоро этот случай стал забываться. Но не забыл о пари Сысолятин.

В конце мая он принес на работу какой-то сверток. Развернул и осторожно поставил на стол графин. Внутри него стоял деревянный бочонок. Как по звонку, набежали любопытные. На глазах у всей публики Сысолятин ~~осторожно~~ залил три с половиной стакана воды. Вместительный бочонок. Подождали. На дно графина не просочилось ни одной капли.

— Молодец! Ничего не скажешь, — согласился проигравший спор.

Сейчас можно благодарить судьбу, что в тот день подвернулся фотограф-любитель. Победитель пари и его изделие были зафиксированы. А разве можно о таком событии умолчать? Вначале появилась небольшая заметка в местной газете. Потом в областной. Интерес к умельцу проявил журнал «Уральский следопыт». Один из участников спора написал об этом в письме другу в Румынию. Вскоре информация о бочонке в графине появилась в одном из тамошних журналов. Возникла настоящая цепная реакция в информации. Материал перепечатали массовые журналы Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Австрии и Китая.

Бочонок, помещенный внутри графина, имел два обруча полуторамиллиметровой толщины. А всего у него было 34 детали. В этом вскоре смог убедиться каждый, так как в накале любопытства допустили неосторожность и графин разбили. Пытаюсь успокоить Сысолятина, кто-то шутя предложил:

— Не горюй, Саша. Возьми и докажи свое — сделай блоху.

Все-таки жаль было так побудничному расстаться с поделкой. На этот раз он смолчал. Прош-

ло почти полгода. И снова Сысолятин удивил друзей.

Однажды он принес пробирку, пинцетом извлек из нее какую-то черную крупинку и осторожно положил на лист ватмана. Потом снова слегка коснулся ее пинцетом и крупинка... прыгнула. Через лупу было видно — механическая блоха. Далекая родственница той, о которой писал когда-то Лесков.

Сысолятин объяснил, что тело попрыгуньи пришлось делать из серебра, латки стальные. Целая очередь выстроилась, чтобы взглянуть на диковинку, но сфотографировать такую мелюзгу никому не удалось. Осторожно упаковав свое изделие, мастер отправил его в Москву. Почта принесла уведомление, что посылка доставлена по назначению. А вскоре пришла печальная весть. На бланке известного столичного музея, в самых изысканных выражениях Сысолятину приносили извинения. Оказалось, не ожидая такого «нрава» блохи, сотрудники музея неосторожно открыли пробирку. Блоха выпрыгнула и... потерялась. Вторая неудача.

И как не вспомнить еще раз добрым словом о той любительской фотографии бочонка в графине. А то бы и не было документа, зафиксировавшего самый первый шаг А. Сысолятина на сложном, многотрудном, кропотливом пути, приведшем его к известности далеко-далеко за пределами района.

В Москве, на ВДНХ, в павильоне «Культура и быт народов РСФСР» два года подряд (1961 — 1962 г.г.) многих посетителей привлекали интересные экспонаты. Прежде всего графин с бочонком. Родной брат того, на котором было выиграно пари. Правда, этот бочонок уже был посложней — в нем насчитывалось на десять деталей больше. По соседству с графином стоял незаметный, на первый взгляд, предмет. Но к нему особенно было много охотников. Некоторые посещали павильон уже не первый раз именно ради этого экспоната.

По просьбе руководства ВДНХ А. М. Сысолятин привез на главную выставку страны, как шутили его друзья, «полное собрание пока сохранившихся сочинений». Надо было показать москвичам и гостям столицы, что руки уральских умельцев мастеров не только громадины-машины, но и то, что невооруженным глазом и не рассмотришь.

Перед отъездом Александр Матвеевич проверял впечатление от поделок. Среди тех, кому посчастливилось быть в числе первых зрителей, находился и автор этих строк.

В колпак сферической формы, вмонтированы четыре смотровых окна. Но окна — волшебные, из увеличительных стекол. Смотришь сквозь них и видимое тобой представляется в пятнадцать раз больше, чем оно есть на самом деле. Медленно вращается круглый столик. На нем обычная швейная игла толщиной менее миллиметра. А в ней вторая игла, вдвое тоньше, а в той — еще одна.

Перед глазами крохотные цепи типа велосипедных. Одна имеет 78 деталей, другая — 90. Размер этих цепей можно представить по футляру, в котором они обе помещались. В обычную швейную иглу, диаметром 0,7 миллиметра с высверленным внутри отверстием. Как крышкой игла сверху прикрывается своим ушком. Цепи проходили испытания нагрузкой. Каждая выдерживает вес гири в 400 граммов.

Всматриваемся через следующую линзу. Шесть латунных кубиков. Они могут вкладываться один в другой по типу русских матрешек. Самый маленький кубик из этого семейства имеет сторону, равную трети миллиметра. А вот на серебряном основании медведь, катящий бочонок. Шутник «не дорос» до спичечной головки.

А эту тему привыкли именовать тульской. Два самовара Один, изготовленный из латуни, возры-

шается над столиком всего на пять миллиметров. Зато разбирается он, как всамделишный его сородич. В конфорке — четырнадцать отверстий, а в поддувале — двенадцать. Самовар стоит в собранном виде и, кажется, вот-вот начнет насвистывать, извещая, что чай вскипел. Его сосед — из серебра. Высота меньше сечения двух сложенных вместе спичек. Он разобран на части, а под краником стоит стакан.

Дальше взгляд останавливается на четко выделяющемся слове «Урал». Но стоило присмотреться к буквам повнимательнее, как открывалось еще одно чудо. Но об этом речь пойдет чуть позже.

Одна центральная газета, рассказывая об этих поделках, озаглавила заметку «Дива-дивные». Мастер был удостоен Большой серебряной медали Выставки достижений народного хозяйства СССР. После поездки в Москву за А. М. Сысолятиным прочно закрепилось имя — «Уральский Левша».

К умельцу сразу же хлынули письма, открытки. Его находили по адресу, почти схожему с почтовым посланием чеховского Ваньки Жукова: «Свердловская область, Буланаш, мастеру Сысолятину» (Ростов-на-Дону), «СССР. Урал. Александру Сысолятину» (ГДР), «Свердловская область, уральскому Левше» (Таганрог). Не в каждом письме мастерство Сысолятина принималось на веру. К примеру, в письмах из Румынии не раз проскальзывало сомнение: «Не верится, графин выдут над бочонком», «Стеклянное дно припаяно».

Был даже случай, когда недоверчивый человек из-за рубежа ставил условие, чтобы поделка была собрана в посудине, которую он вышлет сам, с особой пометкой.

Конечно же, авторы таких писем не были, наверное, знакомы с технологией стекольного дела. Не-

заметно стекольное дно не припаяешь. Выдуть графин вокруг готового бочонка тоже нельзя — дерево при этом если не сгорит, то обуглится. И тем не менее сомнения корреспондентов умельца были понятны. Слишком необычная технология мастерства. Разубедить их можно было только на деле.

Сысолятин купил бутылку десертного румынского вина. «Теперь уж никто не будет сомневаться», — успокаивал себя умелец, упаковывая посылку для отправки в один из музеев Бухареста. В пузатой фирменной бутылке с узким длинным горлышком красовался дубовый бочонок. С четырьмя жестяными обручами, соединенными двумя заклепками. В бочонке отверстие для пробки. Все как настоящее. Важно было доказать, и мастер это сделал: «Смотрите, мол, в вашей посудине поместил свою».

Повторять, тиражировать изделие — значит снова засадить себя на много-много часов и снова отдать, отделить от себя не только мускульную энергию тела, а энергию (безвозмездно!) сердца. Стоит ли?

Конечно, нет. Но и энергия сердца имеет резерв. Он, этот резерв, обнаруживается, когда человек подпитывается энергией радости. Сысолятин по-особому воспринял успехи в революционных преобразованиях на Кубе, это дало импульс энергии сердца умельца.

Александр Матвеевич решил сделать сувенир в дар кубинскому народу.

...Хотя и с задержкой на сутки, мы благополучно прибыли на Кубу.

Сын писателя А. Гайдара, Тимур Аркадьевич Гайдар, корреспондент «Правды» на Кубе, и его жена Ариадна Павловна Бажова, с которыми я познакомился сразу же по приезду на Кубу, актив-

но включились в операцию «Уральский сувенир» *)

Но в предполагаемый ход событий до обидного не вовремя вкралась поправка. Человека, которому планировалось лично вручить сувенир, на Кубе не оказалось. На второй день нашего пребывания радио передало сообщение о том, что Фиделя гостеприимно встречает Москва.

В бутылке из-под кубинского рома (опять, чтобы не возникли сомнения, фирменная посуда) красовался пузатый бочонок. В отверстие его была вложена серебряная «спичка» сечением один квадратный миллиметр и длиной 10 миллиметров. На гранях ее значилась надпись: «СССР, Урал, г. Артемовский. Работа А. М. Сысолятина. В знак дружбы советского и кубинского народов. Апрель, 1963 год».

— Жаль, жаль, что разминулись. Вы сюда, а Фидель к вам, — искренне сокрушались кубинцы.

*) Вместе с родителями на Кубе находился малолетний сын Егор. Загорелый, юркий мальчик вспомнился мне, когда я увидел через некоторое время в списке членов редколлегии журнала «Коммунист» Е. Т. Гайдара. Уже доктора экономических наук. А потом печать и телевидение были заполнены изображением Е. Т. Гайдара — ближайшего соратника Президента России Б. Н. Ельцина, назначенного им в июне 1992 г. и. о. премьер-министра Российской Федерации. Солидный вид полного, рано лысеющего человека даже при самом внимательном рассмотрении не напоминал того «кубинского» Егорку, как именовала его мать, с трепетом рассказывающая о пережитом страхе за сына в дни карибского кризиса. Кстати, нам пришлось увидеть тогда район бывших позиций, занимаемых недавно «русскими» ракетами, завезенными по указанию Н. Хрущева, чтобы показать «кузькину мать» могучему соседу Кубы — США.

Сувенир внимательно осмотрел Блас Рока, соратник Фиделя Кастро. Восхищался и... я-то понял почему он внимательно осматривал дно бутылки. Тимур Гайдар, свободно владеющий испанским, рассказал с моих слов о мастере. Блас Рока задумался. Потом проговорил: «Урал. Свердловск. Хорошо. Очень хорошо. Мо-ло-дец!»

Сысолятинский бочонок вызвал бурю восторженных возгласов в редакции газеты «Нотисиус де ой». И там тоже сразу поразило всех не только мастерство, но и дальновидность умельца, совместившего «уральский» сувенир с «кубинской» упаковкой.

С большим интересом выслушали рассказ о нашем земляке работники посольства. Временный поверенный в делах СССР в республике Куба Н. А. Белоус на прощание сказал:

— Решим так. Вы увидите Фиделя на Урале. Думаю, что успеете. А сувенир подождет его здесь.

На этом и порешили. Так слава нашего земляка-артемовца перешагнула океан. Его изделие получило «прописку» на американском континенте. Но какова судьба сувенира, так и не пришлось выяснить. Обращения в советское посольство, в общество дружбы «Куба — СССР» остались безответными.

2. КАКОЕ ПОЛЕ ЗАНИМАЕТ БЕЛЫЙ КОРОЛЬ?

Вернемся к слову «Урал», которое хорошо просматривалось через линзу. Слово как бы замыкало парад миниатюр, представленных на ВДНХ. Оно коротко определяло адрес, откуда прибыли «дива-дивные». И в то же время представляло, говоря промышленным языком, другой вид продукции умельца.

Внимательно присмотревшись к буквам слова, можно было увидеть, что они составлены из шах-

матных фигур. Для читателей, уважающих точность, можно сообщить, что высота пешки — 1,3 миллиметра. Король значительно возвышался над пешечной ратью. Его высота — 2 миллиметра. Один из самых дотошных посетителей ВДНХ как-то произнес вслух: «И кто рассмотрит эти крошечки?»

— Еще как рассмотрят, — вступал в разговор Сысолятин. И, перефразировав слова известной песни, с улыбкой еще раз утверждал: «Кто смотрит, тот увидит».

Но у него самого тоже было сомнение на этот счет. Проверить он решил у... Михаила Ботвинника. Болея за него во время матч-реванша, Сысолятин своему кумиру сделал миниатюрные шахматы. Аналогичные по размеру представленным на выставке. Доска получилась меньше копейки. Александр Матвеевич перешел работать в коллектив егоршинских угольщиков, и шахтерская многотиражка напечатала тогда материал об этом «эксперименте» умельца. В тексте приводились отрывки из двух писем:

«Уважаемый Александр Матвеевич!

Как победителю матч-реванша сегодня мне вручили ваши шахматы. Ничего подобного я в жизни не видел, только догадывался о таких возможностях

...Я немного, правда, огорчился, что белые король и ферзь неправильно стоят, но оставил их в той же позиции, чтобы не тревожить фигуры...

М. БОТВИННИК».

«Уважаемый Михаил Моисеевич!

...В своем письме Вы указываете, что немного были огорчены, когда разглядели неправильно расставленные на шахматном поле фигуры короля и ферзя белых. Хочу пояснить, что это сделано умышленно и цель, которую я преследовал этой «ошибкой», к моему удовлетворению, достигнута».

Помнится, Сысолятин тогда прямо-таки светился радостью. «Он подумал, что я не знаю, где должен стоять белый король!»

«...Ваше замечание убедило меня в том, что мою миниатюру Вы рассматривали достаточно внимательно. Я предусмотрел исправление «ошибки». Фигуры на шахматном поле стоят свободно, но, чтобы они не двигались внутри кубка во время перемещения миниатюры, я поставил их на доске на тонкий слой машинного масла, так что король и ферзь могут занять свои законные места...»

Позднее, бывая в Москве, Александр Матвеевич не раз встречался с гроссмейстером. Они подружились. Обменивались письмами. Сохранилось одно короткое письмо из Москвы на Урал, в котором четко просматриваются отношения этих замечательных людей.

«Дорогой Александр Матвеевич, не сердитесь, что долго не писал. Спасибо Вам за телеграмму. Вернулся 6 ноября вечером из командировки и настолько устал, что проспал весь праздник.

Привет Вашей семье. Будете в Москве — обязательно позвоните. У нас будет новый номер. Новый номер...

Жму руку, М. БОТВИННИК».

Спустя более двадцати лет после знакомства с нашим земляком Михаил Моисеевич в письме ко мне сообщил:

«Погоревал, что нет уже Александра Матвеевича. Весной 1961 года позвонили из комитета физкультуры, сказали, что мне надлежит получить миниатюрные шахматы, присланные с Урала. Шахматы были уникальные — фигурки (из цветной пластмассы) высотой около одного миллиметра стояли на шахматном столике, а столешница была величиной с копейку!»

Вскоре объявился и сам создатель шахмат. Думалось, что явится сгорбленный старик, седой и

плешивый, а на носу — обязательно старомодные металлические очки (так изображали в старину умельцев) Пришел, однако, молодой, светловолосый, жизнерадостный человек... Как же он мог добиваться таких достижений?

Несколько минут спустя все выяснилось: Александр Матвеевич Сысолятин был человеком с восторженной душой. Он с увлечением рассказывал о работе. Видимо, только добрый человек и мог создавать фигурки, столь трудоемкие миниатюры.

Посмотрели мы с ним шахматы. Предварительно Александр Матвеевич расстелил белый лист бумаги. «Только так можно — иначе фигурки потеряются», — сказал он.

Однажды студентка-дочь привела свою школьную подругу: «Покажи Люсе шахматы» ... Не послушался я Сысолятина и не расстелил бумагу. А когда стал проверять фигурки, выяснилось, голубого слона нет! Скатерть была цветная, переливатая, искали вдвоем, но ничего не нашли. Тогда сообразил, что очень чувствительны кончики пальцев у меня, и решил обшарить всю скатерть. Нашел какую-то крошечную неровность — слон! Спрятал я шахматы и больше никому не показываю.

В другой раз прислал Сысолятин копейку, где начертал длинное приветствие. Переписывались мы с ним, так приятно было получать от него письма с отпечатком русской старины — того, что давно уже исчезло в больших городах.

«Молодая гвардия» — заказала издание воспоминаний «К достижению цели». Фото шахмат Сысолятина найдет там свое место.

М. БОТВИННИК».

Вернемся еще раз к слову «Урал», присмотримся к многоточию после него. Оказывается, «точки» тоже выполнены из шахматных фигурок. Это были пешки будущих шахмат, о которых Сысо-

лятин мечтал. Все фигуры этого «третьего поколения» миниатюрных шахмат мастер решил уменьшить в три раза. Высота пешки — 0,4 миллиметра. Он мечтал послать их в подарок родине шахмат — Индии.

Задумке не суждено было сбыться. Но реальность ее уже просматривалась в тех пешках-точках, которые выставлялись на обозрение международному зрителю. Дело упиралось во время, которого умельцу для своих планов стало не хватать все больше и больше. Не потому, что он стал творить менее производительно. Слишком грандиозны были его мечты — планы. К тому же природная щедрость к людским просьбам вносила в планы серьезные коррективы.

3. «ЛЮДИ, БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ»

Эту главку начнем отрывком из письма:

«Дорогой Александр Матвеевич!

Группа туристов Урала передала ЦК Союза чехословацко-советской дружбы Ваш оригинальный, очень ценный подарок, который мы приняли как символ дружбы между советским и чехословацким народами.

С Вашим подарком мы познакомили широкую общественность в Праге, а потом отдадим на хранение в музей имени К. Готвальда.

Председатель ЦК Союза чехословацко-советской дружбы Зденек Фирлингер».

Идея этого подарка у Александра Матвеевича возникла после одной из наших встреч. Обменивались планами о предстоящих отпусках. И когда собеседник узнал, что в мои планы входит туристская поездка в Чехословакию — загорелся какой-то скрытой пока, «сысолятинской» задумкой. Потом признался. Ему захотелось передать чехословацким друзьям что-нибудь «свое».

Вариантов было несколько. Сошлись на одном. С первого взгляда самым обычным, так сказать, традиционным при общении с людьми: подготовить в ЧССР письмо. Именно не написать, а подготовить. В эту подготовку и нужно было вложить мастерство умельца.

У Александра Матвеевича была уже определенная практика изготовления таких «писем». К примеру, редакции газеты «Уральский рабочий» в связи с юбилеем газеты он прислал поздравление в несколько десятков слов, написанных на... зерне.

Давний друг умельца, челябинец И. А. Искра, получил как-то из Артемовского письмо. В конверт вложен лист картона, в котором была закреплена монета в 15 копеек. И маленькая записка: «Шлю поздравление с праздником, оно на монете». Увеличительное стекло помогло адресату прочесть текст этого необычного поздравления.

Итак, идея сувенира была подобрана, за основу была принята монета ЧССР в 10 геллеров. Сысолятина заинтересовала площадь овала нуля этой цифры. Надо было подобрать текст. Решено, что самый подходящий — из «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Помню, меня сразу же поразило «техническое условие», которое принял на себя умелец: он намеревался вписать текст из пятисот букв. Фактически получалось 536. Сохранилась копия этого текста — полторы машинописных страницы. Думается, нужно привести весь текст полностью. Не для того, чтобы передать содержание, а для того, чтобы зримо представить мастерство умельца. Вот такой текст, который трансформирован и нанесен в нуле десятигеллеровой монеты:

«Дорогим друзьям, землякам Юлиуса Фучика, от уральцев!

Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, подобен изваянию,

высеченному из камня. Тот же, кто из праха прошлого хотел соорудить плотину и остановить полноводье революции, тот лишь фигурка из гнилого дерева, пусть даже на плечах у него сейчас золотые галуны!

...Как обидно быть последней жертвой войны, солдатом, в сердце которого в последний миг попадает последняя пуля. Но кто-то должен быть последним! И если бы я знал, что после меня не будет больше жертв, я бы немедленно пошел на смерть.

Люди, я любил вас! Будьте бдительны!

«Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучик».

Выполнил А. Сысолятин. Урал, г. Артемовский.
Июль 1965 год».

Имея такой поистине уникальный сувенир, наша уральская группа была в сложном положении. Прежде всего мы оказались «неграмотными». Без увеличительного стекла трудно было убедить работников нашего посольства, что сувенир включает в себя столько необычного. Десятигеллеровая монетка переходила из рук в руки. Сразу все изменилось после того, как появилась линза двадцатикратного увеличения.

Вскоре нам сообщили, что будет встреча в Центральном Комитете общества чехословацко-советской дружбы. Прием был очень теплый. Один из руководителей общества представил худощавую пожилую женщину. Вид у нее был уставший, но взгляд пробирался сквозь морщинки, окружавшие глаза, молодо и бодро. Нас знакомят: «Густа Фучикова». Так вот какая ты, боевая подруга народного героя Чехословакии! Мы были бесконечно благодарны дальновидности Сысолятина. Именно его «письмо» дало возможность этой встречи.

Густа Францевна, вооруженная увеличительным

стеклом в оправе, с ручкой, осторожно поворачивает монету, чтобы удобно падал свет. Терпеливо смотрит сквозь стекло. Мы все в ожидании. И вдруг слышим: «Я прочтала. Я отчетливо прочтала: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» Густа Фучикова хорошо говорит по-русски. Она улыбнулась радостно и благодарно. Мы поняли — это в адрес Сысолятина.

Через некоторое время бывший гид нашей группы, преподаватель русского языка одной из пражских школ, сообщил в письме: «На Вацлавской площади в Праге есть витрина, где помещена коробочка с подарком Вашей группы. Перед ней приспособлено увеличительное стекло. Люди смотрят и удивляются мастерству уральца».

А вскоре на родину Юлиуса Фучика снова ушла оригинальная поделка, выполненная А. М. Сысолятиным. Как известно, Чехословакия славится мастерством обувщиков. И вот к миллионам пар обуви, изготовленным чешскими мастерами, прибавилась еще одна — серебряные туфельки. Они, пожалуй, были бы тесны даже Дюймовочке. Размер их, вернее длина — 3,6 миллиметра. Посетители музея обуви города Готвальдова до этого удивлялись паре мужских туфель самого крупного размера. С ноги одного местного богатыря, над которым шефствует знаменитое обувное предприятие. Теперь туда были отосланы самые маленькие башмачки работы мастера из уральского города Артемовского.

4. ИНСТРУМЕНТЫ И СЕЙЧАС СЛУЖАТ Л Ю Д Я М

Все это уже история. Так же, как и историей является тот факт, что в конце пятидесятих годов при зарождении народных университетов культуры новая форма распространения знаний сразу же прижилась в коллективе буланашских шахтеров. На

одном из таких многолюдных занятий в университете выступал, демонстрируя свои миниатюры, механик по точным приборам треста «Егоршинуголь» А. М. Сысолятин. Надо здесь придержаться, чтобы пояснить, что «механик по точным приборам», кем работал А. М. Сысолятин, в типовом расписании для шахт не значится. Но это не должность — «подснежник», прикрываясь которой он мог бы заниматься своим увлечением. «Нарушение» штатного расписания было сделано для дела. Как говорится, подбирался не человек под штатное расписание, а наоборот. Такой «грех» взяли на себя руководители треста «Егоршинуголь». Поэтому это отвечало истине. Угольный трест был надежно обеспечен ремонтом всех точных измерительных приборов. Даже предприятия-соседи пользовались услугами механика по точным приборам. И за многие годы не было рекламаций...

Среди тех, кто особенно долго задержался с умельцем на университете культуры, был главный врач местной больницы Е. И. Хлыбов. Он шутливо заметил:

— Мы дадим Вам специальный заказ.

— Какой?

— Сделать канкан для бактерий.

То была действительно шутка. Но она имела неожиданно реальное продолжение.

Его мастерская была своеобразным «оазисом», где было приятно побывать, пообщаться с хозяином, увидеть диковинки, сотворенные здесь. Мастерская Сысолятина напоминала политехнический музей. Здесь было собрано в миниатюре многое, что есть в больших цехах. Токарный станок, который можно прикрыть шляпой. Ножные меха для подачи воздуха к газосварочному соплу. Набор крохотных сверл, зубил, молоточков. Но это далеко не все

инструменты Левши. Были разовые, только для одной операции. Все, что творилось, создавалось, возникало рядом, параллельно с основной производственной деятельностью для шахт, это своеобразная материализация его внедренных помыслов, сочетание уникального умения воплощать большие масштабы задумок в миниатюре, часто в микроскопических формах.

Однажды он отложил в сторону какую-то заготовку и сказал, как бы продолжая уже начатый разговор:

— На днях у меня с Юриком состоялась интересная беседа. Приходит из школы и ко мне:

— Папа, а какое практическое применение находят твои изделия. Так, для забавы?

— А какую пользу, — говорю я ему, — приносит человеку песня?

— Так ее все слушают. Настроение поднимается после хорошей песни.

— А красивая вещь, — я в ответ, — пусть не стул, стол, а то, что и в хозяйстве каждодневно не используется, но если эта вещь красива, светится музыкой. Словом, пофилософствовали.

— И знаешь, чем Юра меня поддел?

— Чем?

— А если песня красивая, а ее слушает один человек, разве это песня. Надо, чтобы ее слышали и пели многие.

Александр Матвеевич задумался о чем-то, голубые глаза от длительного напряжения, вглядывания в свои крохотные изделия окаймляет значительно больше морщинок, чем положено в его возрасте. Затем он подошел к шкафу, осторожно взял в руки маленькую коробочку:

— Сегодня нужно было посылать эту посылку, да решил домой захватить, показать Юре, чтобы продолжить с ним разговор*. Он приоткрыл коробочку, и я увидел там целое семейство, так и хотелось сказать, «игрушечных» медицинских инструментов. Сысолятин перечислял:

— Шприц, скальпель, крючок, ножик, ложечка.

На коробочке значился адрес: Москва, государственный университет, биолого-почвенный факультет.

— Просили сделать иглу шприца не более одного сантиметра с диаметром отверстия в одну десятую

* Я не знаю, помнит ли эти беседы Юра, но как бы продолжением их мне представилась заметка в местной газете спустя несколько лет после смерти Мастера. Хочется ее привести полностью. «Около двух десятков лет трудится на Егоршинском радиозаводе Юрий Александрович Сысолятин, а последние полтора десятка лет в должности инженера-технолога.

За эти годы Юрий Александрович внес немало рационализаторских предложений, разработок по технологии. За одну разработку — способ фрезерования бобышек — он удостоен свидетельства на изобретение.

Он успешно выполняет работы высокой категории сложности. По его разработкам освоен один из видов производства — расчет и внедрение управленческих программ для станков с числовым программным управлением как в ручном, так и в автоматическом режимах.

По результатам работы за прошлый год Ю. А. Сысолятину присвоено почетное звание — «Лучший технолог отрасли».

Рядом фотография. Сын очень похож на отца, и внешне, и внутренним настроем. Настроением ищущего, неравнодушного человека.

миллиметра. Я сделал размером вдвое меньше.

Инструментарий был изготовлен из нержавеющей стали с деревянными ручками. Работать с ним можно лишь с помощью микроскопа. При двадцатикратном увеличении. Александр Матвеевич нежно, будто имел дело с чем-то живым, закрыл коробочку и провел по крышке ладонью, сметая невидимые пылинки. Мастер был явно доволен своим произведением.

Это было проявлением рождения «второго» Сысолятина. Не просто автора уникальных диковинок, а конструктора и исполнителя тонких, умных, оригинальных инструментов и приспособлений. Эта вторая «профорентация» захватила Александра Матвеевича, мобилизовала его волевою цепкостью. Мысль о том, что предмет его многодневного труда является не только музейным дивом, а несет службуживую, повседневную, придавала умельцу силы, заставляя искать и находить. Это было началом широкого общения Мастера со многими светилами медицины нашей страны.

Широко известный ныне специалист по операции глаза, Генеральный директор межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» Святослав Николаевич Федоров в то время работал в Архангельске. Свой оригинальный метод лечения катаракты глаза с использованием искусственных хрусталиков хирург-новатор пробивал с трудом. У него были знания, была уверенность в своих руках, не было нехватки пациентов. Недоставало только инструментария. В стране, в заводских условиях, его не производили. Хирург искал единомышленников в своем деле и удачно встретился с Сысолятиным.

Все отложил, отодвинул до поры-до времени Александр Матвеевич. На первом плане стоял заказ Федорова. И когда выполнил, получил благодарственный отзыв хирурга, не выдержал, «махнул» в Архангельск. Не терпелось самому убедиться в по-

лезности сделанного. О, каким допингом для будущей работы послужила эта поездка!

Он был свидетелем, как искусные руки С. Н. Федорова делали, казалось, невозможное. Люди снова прозревали, могли читать, работать, нормально жить. И в этом была доля и его трудов. Народная молва быстро разнесла весть о его сотрудничестве с хирургом. И теперь он был буквально застлан письмами-просьбами о посредничестве.

Несмотря на то, что Федоров получил специальную клинику в Москве, мест не хватало. Нуждающиеся в лечении, очевидно, пройдя круг в самой клинике, обращались к Сысолятину. Один больной писал ему:

«Мы знаем, что только ваше одно слово сыграет роль, как в известной сказке «Сим-сим, открой дверь».

Александр Матвеевич старался быть посредником в самых редких случаях. Но никому не отказал профессор Федоров, кто приезжал от «самого Сысолятина». Ведь это сысолятинской иглой хирург сшивал разрез на глазу. Игла имела отверстие для шелковой нити в десятые доли миллиметра. Верно служили окулисту и другие инструменты.

После поездки в Архангельск, когда Сысолятин убедился, что за инструменты он несет полную ответственность, он решил ставить личное клеймо «С. А. М.» — свои инициалы. *)

*) На рабочем столе мастера бережно хранилась под стеклом газета «Известия» с очерком Анатолия Аграновского. Очерк назывался «Открытие доктора Федорова». Красным карандашом было подчеркнуто: «Главное открытие доктора Федорова я вижу в том, что он сумел обратить на пользу

своей науке действительную силу нашей новой морали, понял, что может придти к любому человеку и, если благородная цель и полезна Отечеству — он обязательно поможет...» Думается, что Александру Матвеевичу особенно дорого было это утверждение очеркиста. Именно Федоров утвердил в нем Сысолятина с другим направлением его мастерства. Более благородным, чем умелец по изготовлению уникальных, но радующих душу узкого круга людей. И в этом С. Н. Федоров оказался союзником сына Мастера в упомянутой их «философской» беседе, когда сын «поддел» отца: «А если песня красивая, а ее слушает один человек... разве это песня...».

Потом в этой же газете появится еще статья, но, к сожалению, Мастер прочитать ее уже не смог. Перою материала является снова С. Н. Федоров. Заголовок — «Сапожный нож для американских хирургов». «По заданию Федорова Смоленское производственное объединение «Кристалл» занималось необычным до этого делом — обработкой якутских алмазов для изготовления из них скальпелей. Такими скальпелями заинтересовались американские офтальмологи. Еще бы, алмазный скальпель способен произвести 2 — 3 тысячи операций. Это невиданный до сих пор срок службы инструмента. Не впервые С. Н. Федоров обращается за помощью к золотым рукам российских мастеров. В пору, когда он трудился в Архангельске, полую иглу для работы на глазу сделал ему уральский микроминиатюрист А. Сысолятин. толщина той иглы всего 0,1 миллиметра. Работа смоленских мастеров огранки — того же класса совершенства».

Вскоре Мастера нашел другой окулист — заведующий кафедрой глазных заболеваний Гродненского мединститута, профессор В. Т. Парамей. Сысолятин сделал ему специальный иссекатель роговичной ткани глаза. Получил от профессора письмо: «Изготовленными Вами инструментами я пользуюсь в ответственные моменты».

Как-то спросили Сысолятина: «Трудно было делать этот иссекатель?» Он улыбнулся, «Что там трудного? По принципу давно известному — как машинка для стрижки волос». Только отличие в том, что ему «машинку» нужно было сделать такую, чтобы изнутри в глаз пробраться, как в горошину, и отсечь мякоть горошины от кожуры.

Владимир Трофимович Парамей прислал мне воспоминания о Сысолятине:

«По моей просьбе им неоднократно изготовлялись хирургические инструменты для операций на органе зрения. Такие инструменты в комплексе с известными использовались нами на протяжении 15 лет при операциях по поводу глауком, катаракт, новообразований и других болезней глаза. Инструменты А. М. Сысолятина отличались простотой конструкции и прецизионностью изготовления. Весьма умело подбирался материал, из которого они изготовлялись»

Об Александре Матвеевиче Сысолятине, талантливом умельце и весьма приятном человеке, я всегда вспоминаю с чувством восхищения и благодарности...»

С просьбой к А. М. Сысолятину обращались многие специалисты. Известный уральский нейрохирург, профессор Давид Григорьевич Шефер: «Свердловские нейрохирурги обращаются к Вам с огромной просьбой — помочь изготовить атравматические иглы, необходимые для выполнения операций на сосудах головного мозга. К сожалению, наша медицинская промышленность не выпускает

игл очень тонкого диаметра и у нас остается лишь единственная надежда на Вас».

Член-корреспондент АМН СССР профессор Т. И. Ерошевский из Куйбышева: «Я давно знал о Вашем высоком мастерстве в изготовлении тонких медицинских инструментов. Но до сих пор не было случая обратиться к Вам за помощью. Теперь обращаюсь к Вам с просьбой через Вашего земляка С., который лечится в нашей клинике. Не откажите в любезности изготовить для нас некоторые инструменты...».

«Уважаемый Александр Матвеевич!

..В Ленинградской военно-медицинской Академии разрабатывается прибор для автоматического и точного сшивания повреждений роговицы глаза. Этим занимается профессор В. В. Волков. Прибор уже на ходу, дело за тем, что никто в Ленинграде не берется выполнить полую иглу малого размера, которая, собственно, и шьет роговицу.

..Появилась практическая необходимость применить для важного дела Ваши руки и точный глаз. Не согласитесь ли Вы взяться за такую работу?»

Авторы многих писем делились своими идеями, ища у Сысолятина ответа и главное — исполнения идеи.

Врач-хирург, пенсионер из Верхотурья: «В медицине до сих пор широко используется ланцетовидный нож (скальпель). Такой нож имеет слишком много недостатков. Предлагаю перейти к циркулярной форме ножа.

Надо постараться дать большую скорость вращения (наибольшую, какую только позволит современная техника, 5—7 тысяч в минуту, желательно!). Кроме того, надо предусмотреть, чтобы этот нож можно было заменить в любую минуту, моментально на другой инструмент, тоже циркулярный, но

более грубый — дисковую пилу. Смена режущих инструментов должна быть наподобие того, как меняется объектив микроскопа путем поворачивания его револьверной системы. Во время операции врачу часто приходится иметь дело с тканями мягкими и твердыми. Поэтому режущий инструмент, как наконечник от бормашины в руке зубного врача, должен быть удобней с быстросменяемым исполнительным органом. »

В зале Свердловского Дворца молодежи проходил четвертый симпозиум по кибернетике, радиотелеметрии и космической медицине, созданный Академией наук СССР. А. М. Сысолятин получил на симпозиум персональное приглашение. Он уже знал, что его выступление запланировали, как выразился председательствующий, «на десерт». Александра Матвеевича на трибуне держали долго, в нарушение строгих правил регламента. В перерыве его окружили участники симпозиума, и он уже видел: с ним хотят поделиться идеями, привлечь его руки, его умение к новым экспериментам.

В практику одной из Свердловских клиник вошел специальный катетер-захват, выполненный Сысолятиным. Врач это приспособление применяет для удаления камней из мочеточника без хирургического вмешательства. Помнится, Александр Матвеевич так объяснял принцип действия этого инструмента: «Проще простого. Представьте, что нужно сделать захват для вытаскивания пробки, упавшей внутрь бутылки».

Специалисты в области травматологии глаз уже который год пользовались в своей практике микроскальпелем работы А. М. Сысолятина. В обухе крохотного скальпеля проходит микроотверстие, через которое одновременно с разрезом глаза вводится необходимое лекарство. Иногда медикам приходится брать для анализа желудочный сок не

только у взрослых, но и у детей грудного возраста. Александр Матвеевич подарил педиатрам микрозонд своей конструкции. Ребенок засыпает с пустышкой, через нее пропускаяется микрозонд.

Свердловский нейрохирург Владимир Петрович Сакович был особенно близок с Александром Матвеевичем. Он приезжал к нему сам. Подолгу просиживал с ним в мастерской. У них были большие творческие планы. Хирург готовился к защите докторской диссертации и нуждался в таком умном друге-оппоненте, как Сысолятин.

Я познакомился с Владимиром Петровичем в печальный день прощания с Мастером. Хирург, отложив свои дела, специально приехал в Артемовский, чтобы выразить признательность другу и разделить горечь утраты.

Спустя несколько дней он прислал письмо:

«Мне хотелось бы написать о памятных для меня часах, проведенных вместе с Александром Матвеевичем при создании им микроинструментов для сосудистой нейрохирургии и, конечно, о проводимых в нашей клинике операциях с помощью этих инструментов. Они и сейчас служат людям... Кстати, такое совпадение. Недавно я делал операцию пациенту, который проживает на улице, носящей имя Сысолятина...»

5. ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ

У него было немало друзей и знакомых. И у многих из них осталось что-то «сысолятинское» — сувенир или надпись на каком-нибудь изделии, или отремонтированная семейная реликвия. Пришло письмо из Москвы: «Я случайно узнал о Вас из телепередачи. И решил обратиться с личной просьбой. У меня есть старинные часы иностранной марки. Это память от друга-фронтовика. Но часы давно не ходят. Ни в одной мастерской не берутся их ре-

монтировать. Не могли бы это сделать Вы, Александр Матвеевич?».

Сысолятин немедленно ответил: «Высылайте часы».

...Когда наши войска освободили Будапешт, одна венгерская женщина подарила старшине Ивану Михайловичу Красницкому часы — этот самый карманный будильник. Перед очередным боем старшина вынул часы из кармана, завел так, чтобы услышать звон, посмотрел на них внимательно, будто запоминая какие-то особые приметы, и сказал своему другу Петру Гриню: «Пусть они у тебя побудут. Вернусь — отдашь, не вернусь — останутся на память обо мне». Старшина Иван Красницкий из боя не вернулся.

Часы долго служили П. А. Гриню, инженеру одного из министерств. Потом остановились. И надо же, как повезло — включил в тот вечер телевизор...

На крышке отремонтированных часов, в небольшом кругу в центре, появилась надпись: «Петру Архиповичу Гриню в знак благодарности на память о погибших друзьях-товарищах. Отремонтировал эти часы бывший фронтовик А. М. Сысолятин...»

Руки нашего земляка сделали больше, чем ремонт. Они восстановили такой вот своеобразный «монумент» во имя солдатской дружбы.

В международный год женщин во Дворце культуры им. А. С. Попова Егоршинского радиозавода чествовали женщин-победительниц в трудовом соперничестве. К празднику готовился и Александр Матвеевич. Он дал согласие лучшим работницам изготовить свой подарок. Потом их официально назвали призами Сысолятина. Кубок в виде шахматной фигуры — ферзя. Высотой 15 мм, диаметром 4 мм. В верхней части помещен болт с гайкой диаметром четверть миллиметра. Болт свободно перемещался на нихромовой проволоке. Внутри этого болта просверлено было отверстие в 0,06 мил-

лиметра. Под гайку и болт-ключ. И молоток рядом. На крошечной пластинке значилось, что приза удостоена лучшая настройщица станков Светлана Евгеньевна Налимова.

Нина Анатольевна Олькова хотя и работала на промышленном предприятии, но любила сельский труд. В летнее время, в свой отпуск, она помогала родителям, работающим в местном совхозе, в заготовке кормов. Ольковой Александр Матвеевич вручил набор сельскохозяйственных инструментов — литовку, грабли, вилы. Вся эта троица установлена была на кусочке яшмы. Высота грабель — 18 миллиметров. Сугенир получила также Валентина Михайловна Харлат.

Осуществился совместный полет советских и американских космонавтов. Уральский мастер выразил свое отношение к этому событию по-своему. В адрес музея Звездного городка отправил оригинальный сувенир — миниатюру «Союз — Аполлон» над планетой Земля. Мастеру хотелось своим искусством внести лепту в наметившуюся было разрядку между двумя странами.

Однажды житель Артемовского принес в Свердловскую ювелирную мастерскую золотое кольцо. Надо было поправить его форму. При этом клиент ставил одно неперемное условие: только надпись не нарушайте. Ее сделал Сысолятин». И все мастера вдруг собрались у приемщика. Они услышали имя своего знаменитого коллеги.

Популярность Мастера быстро разнеслась далеко за пределы родного города. Пользуясь душевной щедростью, отзывчивостью, иные старались с помощью его рук материализовать свои идеи. Нередко не без корысти. Приходили десятки писем от любителей автографов знаменитостей. В данном случае — с просьбой автографа на сувенирах.

Были письма-просьбы еще более курьезные. Один москвич просил изготовить миниатюрный магнитофон в виде небольшой книжечки: «Это мне

нужно для выяснения некоторых моментов при жизни двух семей в одной квартире».

Обязательность Сысолятина нередко обращалась против его же самого. Тяжесть ответственности каждодневно висела невидимыми, но чувствительными гирями, когда устаешь, ничего не поднимая. Примером этому яляется долгая переписка с одним ветераном труда из Симферополя:

«Уважаемый Александр Матвеевич!

Прочитал в «Известиях» про Ваше изумительное мастерство. В мире живет прекрасный ученый-путешественник, достойный получения Ваших шедевров в подарок. Это Тур Хейердал. С ним я переписываюсь уже 10 лет и имел счастье принимать его у себя дома с пятью членами экипажа судна Ра».

Страстный поклонник известного ученого, восьмидесятилетний садовод-любитель в течение трех лет держал «под контролем» исполнение своей идеи. Не предложив конкретной темы, эскиза, заказчик рекомендовал Мастеру подумать «над каким-нибудь оригинальным сувениром, достойным доктора Тура».

Думаю, что это была нелегкая полоса в творчестве Сысолятина. С одной стороны, хотелось выполнить просьбу, с другой — «сделай то, не знаю сам, что». К сожалению, сувенир так и не был изготовлен. Но сколько ушло времени, энергии на мысленное «проектирование» этой несбывшейся задумки. Сколько упущено возможностей для выполнения чего-либо реального, видимого. Но он никому не мог отказать. Это не позволяло сделать ему щедрое сердце.

6. ДРАМЫ ПОД МИКРОСКОПОМ

Искусство микротехники, как всякое другое настоящее искусство, нельзя понять, пользуясь пред-

ставлениями, привычными для обыденной жизни. Ввести в этот особый мир, понять законы, которым подчиняются микродетали, можно только пройдя курс наук у человека, для которого описываемая среда остается испытанной, ставшей уже привычной и осознанной. Такой курс из «первых рук» представляет собой книга одного из прославленных мастеров миниатюры, заслуженного мастера народного творчества Украины Николая Сергеевича Сядристого.* Не будем останавливаться на поделках этого широко известного умельца. Отдадим особую дань ему за то, что он выбрал время и благодаря огромному напряжению ума смог провести анализ, собрать воедино свои наблюдения над драматическими конфликтами, развивающимися в поле зрения микроскопа.

Поблагодарим его за труд первопроходца. Он первый широко обнародовал тайны микротехники.

Оказывается, в этом мире, который оконтуривает площадь обзора микроскопа, мастеру противопоставлено множество сил природы, чудом изменивших свои соотношения. Недаром замечательный популяризатор науки, журналист Владимир Орлов, ознакомившись с «реальной» жизнью под микроскопом, назвал это явление «драматическим».

Сила тяготения теряет свою привычность потому, что деталь-пылинка ничего не весит и приближается к порогу мира невесомости. Какие только неожиданности не встречаются мастеру, мороча, а то и просто надсмехаясь над ним. Изделия не падают с наклонного, а то и перевернутого листа, пренебрегая законами всемирного тяготения. Чуть вспотевшая рука человека повышает влажность воздуха и рождает целое наводнение — молекулярная пленка влаги застилает деталь, препятствуя гра-

*) Н. С. Сядристый. Тайны микротехники Изд. 3. «Знание» М. 1975 г.

вировке. Незаметное трение складок одежды создает наэлектризованное поле. И деталь, подчиняясь действию электростатики, или жадно прилипает к инструменту, или отскакивает от него.

Микроскопические крутинки материалов под воздействием микроинструмента обретают новое качество — нарастающую пластичность. Медь размазывается, как маргарин, твердая «сухая» сталь мнется подобно воску, хрупкое стекло дает кудрявую «сливную» стружку.

Против мастера ополчается сам воздух. Кислород буквально сжирает микродеталь, и она на глазах погибает от окисления.

Спортсмены, побивающие мировые рекорды, достигают этого благодаря активизации всех мышц своего тела. Микроминиатюрист тренирует в себе противоположные качества. В процессе работы за микроскопом он сидит неподвижно и лишь крохотная группа мышц большого и указательного пальцев порождает микрометрические действия. И очень сложно осознанные действия не потерять, вернее, противопоставить толчкам и вибрациям, создаваемым внутренней работой организма. Нерассчитанный вздох равносителен катастрофе. Удар сердца, пришедший в «нерассчитанное» время, подобен землетрясению. Надо успевать делать между ударами сердца. Надо научиться заставлять сердце сокращаться реже, тогда появится больше «рабочего» времени у мастера. Надо заставить себя быть терпеливым. Нетерпение — это желание видеть быстрее результат своего труда.

Надо, надо, надо...

На культивирование, сохранение необходимого комплекса навыков мастера, на его точность движений, измеряемых тысячными долями миллиметра влияют и время суток, и пища, и одежда, настроение, душевный подъем.

И еще одна основа для микроминиатюриста. Выучиться этому мастерству, так же, как сочинять

стихи, нельзя. Можно только совершенствоваться, набираться опыта. Но главное — у человека должно быть заложено это от рождения, как говорится, от Бога.

Зашел как-то разговор с Сысолятиным на эту тему:

— Перед сеансом гипноза происходит отбор: кто может поддаться внушению. Допустим, что идет набор в школу микроминиатюристов. Какой можно бы предложить отборочный экзамен?

Задумался Александр Матвеевич. Потом достал обыкновенную иголку. Взял нитку.

— Думаю, что один из пробных экзаменов был бы таким.

Сысолятин зажмурил плотно глаза и уверенно, спокойно в ушко иглы вдел нитку, а потом просунул ее всю. Получилось так, как будто делал это он с открытыми глазами.

— Кто желает проверить себя?

Никто из участников разговора этот экзамен не прошел.

У сысолятинского экскаватора емкостью 0,4 кубических миллиметра трос, поддерживающий «стрелу» экскаватора, был трехжильный, диаметр каждой жилы 0,02 миллиметра. Мастер натягивал трос под микроскопом более десяти часов. И только один трос!

Помнится случай. Отложив инструменты, Александр Матвеевич отпрянул от окуляра микроскопа. Выпрямился, как бы потягиваясь от усталости.

— Что, плохо чувствуешь?

— Нет, ничего. — он повернулся к окну.

— Слышишь, поезд идет. В такие минуты я не могу работать. Чувствую стук колес. Напрягаешься — нарушается дыхание. И сердце может зачистить...

Однажды, делая надпись на принесенном сувенире, Сысолятин допустил ошибку в инициалах.

— Сейчас исправлю, — сказал он хозяину су-

венира. — Подождите немного. И включился в работу.

У владельца сувенира еле-еле хватило терпения, чтобы дождаться, когда ошибка будет исправлена. «Немного» длилось почти час.

Наверное, у Мастера, в отличие от других людей, чувство терпения измеряется другими мерками. Со стороны оно принимается, как легкость (это если не присутствовать рядом с Мастером) и поэтому этот сверхтрудный процесс порой воспринимался как почти конвейерное производство. Это вело к легкому манипулированию цифрами и фактами в печати. К примеру, в одной из газет автор на полном серьезе утверждал, что изделия Сысолятина демонстрировались «на международных выставках в ста странах мира.»

Слишком нелегкий труд. Его нельзя точно представить, измерить. Пожалуй, сделать это можно было бы, если взглянуть «наоборот» — снизу изпод микроскопа — вверх, трансформируя взгляд, идущий от крошечных изделий к глазам, сердцу Мастера. И вот тогда из мира лилипутии представился бы огромный встречный поток физической, нервной и мыслительной энергии, идущей для того, чтобы преодолеть сложные силы микромира и создать произведение искусства человеческих рук, воли, разума.

И, конечно, это не проходит бесследно. У Н. С. Сядристого был момент в жизни, когда он выжал из себя все силы и дошел до больницы. Резко выраженное истощение нервной системы. В больнице невропатолог сказал: «Отнимите от ста семнадцать.» Сядристый не смог. «Тебе надо приобрести здоровье. — сказал врач, — с тем же трудолюбием, с каким ты делаешь миниатюры». Сядристый буквально вернулся к жизни с помощью спорта. Подводного плавания.

Сысолятин никогда не выдавал своей усталости. Пожалуй, один человек только мог в полной сте-

пени представить, как все это ему дается, — жена Валентина Ефремовна. «Саша, тебе надо серьезно подлечиться. Отложи ты всю эту работу», — настаивала она. «Ничего, Валя, еще успею», — отшучивался Александр Матвеевич.

Однажды врачи все же настояли на лечении, рекомендовав местную лечебницу в Липовке. Вдруг у него открылось носовое обильное кровотечение, для остановки которого пришлось его привезти в Режевскую больницу и делать серьезные лечебные процедуры. Лечащий врач, опытный отоларинголог А. Климина вспоминает, в каком тяжелом состоянии был доставлен Александр Матвеевич. Эти процедуры дали некоторое ухудшение слуха, по поводу чего Сысолятина приходилось полгода проходить лечение. Он переживал даже временную приостановку творческой работы. И всякий раз использовал любую возможность «оставаться в форме».

Невольно напрашивается мысль об определении связи в парадоксах, наблюдаемых с микродеталью под микроскопом, с индивидуальной творческой особенностью А. М. Сысолятина. Там, в микромире, драматические последствия от видоизменений привычных законов физики. Здесь, в повседневной жизни, где существует общепринятый порядок, организующий укрепление здоровья, для Сысолятина были свои правила. Он лечился работой. Даже в период вынужденного общения с режевскими отоларингологами он занялся изготовлением для них специальной ложечки для производства операции эндонозальной гайморотомии.

7. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Когда о мастерстве Сысолятина стало широко известно, в нашей области появилась целая плеяда его последователей. Мастера-виртуозы как бы при-

держивали до поры, до времени свое умение. Сысолятин уверенно проложил тропку. Она стала расширяться и разрослась в настоящую дорогу умелых и смекалистых. Первым свою пробу показал земляк Сысолятина, крепильщик шахты Буланаш-2-5 С. Чепурин. Он собрал в графине балалайку и подарил одному из профессиональных хоров, как-то выступавшему на сцене шахтерского Дворца культуры. Осмелев, умелец собрал тоже в графине копёр шахты. Изделие сейчас находится в шахтерском музее. Рядом с ним другой экспонат этого же автора — действующая модель электродвигателя, собранная в бутылке. Подключают батарейку и двигатель вращается. Что любопытно: размер двигателя в сборе превышает раза в четыре размер бутылочного горлышка. Развивая свое мастерство, бывший воин-пограничник собрал, тоже в графине, модель танка Т-34. Отослал в подарок воинам-уральцам.

Журнал «Урал» решил организовать на своих страницах клуб «Уральского Левши», предложив А. М. Сысолятину стать его президентом. Интерес к миниатюрным поделкам, к тому же, как сейчас модно говорить, в «экстремальных условиях», привлек многих. И все они считают, что толчок, импульс взяться за работу дал А. М. Сысолятин. По правилам житейской философии: «Не боги горшки обжигают» люди брались за дело и после долгого времени добивались успеха.

Так, свердловчанин Иван Артемьевич Бураков в одном графине решил смастерить сразу несколько бочек. Долго он монтировал их. Перед этим кропотливо занимался подготовительной работой: подбирал материал, изготавливал различные приспособления для сборки. И вот в графине появились четыре аккуратных бочонка размером 58 на 70 миллиметров.

Поделка И. А. Буракова вызвала большой ин-

терес у товарищей по работе на Свердловском приборостроительном заводе.

В числе последователей уральского Левши значится умелец из Ирбита Василий Потапов. «Как-то, прочитав о Сысолятине, я подумал: надо тоже сделать что-нибудь диковинное. Сначала расположил в пустой бутылке коробку. А затем умудрился в графине сплести корзиночку из тальниковых прутьев».

Многих удивил своим мастерством другой ирбитчанин Афанасий Александрович Карпенко. Отдав 16 лет военной службе, бывший военный техник по оружию тоже занялся диковинками. Как-то Афанасий Александрович раздобыл метровую букую палку. Сколько месяцев он просидел за работой, сказать трудно. Палка превратилась в цепь из одинаковых звеньев. Мастер рассказывал мне, что в качестве инструмента он приспособлял струну от гитары и жилу от стального троса. Но каждое из 72 звеньев строго одинаково, выполнено по лекалу.

Как-то А. М. Сысолятин был в гостях у трудящихся Уралмашзавода. Его долго не отпускали благодарные слушатели. В числе их оказался давний поклонник сысолятинского таланта Геннадий Зархин. Он показал гостю свои поделки. А они отличались оригинальностью. К примеру, на половине рисового зернышка изображена эмблема заводского института. И другое — на лапку шмеля умелец надел изящную туфельку собственного изготовления, а на туфельке был завязан элегантный бантик.

Умельцы подружились, нередко встречались. И потом, когда не стало в живых друга и учителя, Геннадий Соломонович Зархин сделал доброе дело. Он обнаружил в домашней мастерской Сысолятина полураспарившийся от времени и недогляда колпак и восстановил его. Тот самый, внутри которого демонстрировались «дива-дивные» на ВДНХ в 1961

году, принесшие широкую известность и заслуженную славу уральскому Левше.

К сожалению, преждевременная смерть Г. Зархина не позволила осуществить самую важную задумку в память о Сысолятине — собрать и реконструировать для музея сысолятинские поделки. Уточнить его незавершенные замыслы. Профессионально систематизировать все то, что вышло из под умелых рук Мастера, имевшего личное клеймо «С. А. М.».

8. ИЗ ПЕСНИ СЛОВА НЕ ВЫКИНЕШЬ

Став известным мастером, окруженный славой умельца, Александр Матвеевич одновременно с этим попал под эксплуатирующий пресс областного руководства. Как создатель «придворных» сувениров. Начало этому положил А. П. Кириленко, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии. На волне хрущевских реформ в партии и государственном переустройстве он приблизился к Центру и стал членом Политбюро (тогда Президиума) ЦК партии. Он старался особенно угодить своему патрону (и как водится в подобных случаях) — чужими руками.

17 апреля 1964 года исполнялось 70 лет Н. С. Хрущеву. И только стоило А. П. Кириленко сделать намек руководителям Свердловского обкома, А. М. Сысолятин был «озадачен» сделать что-нибудь этакое. Долго утверждали тему будущего изделия. Выручило «шахтерское» происхождение Никиты Сергеевича: Почетный шахтер, кавалер знака «Шахтерская слава». Сувенир определился — миниатюрная шахтерская лампочка, которую можно носить на лацкане пиджака. С момента появления в шахтах она именовалась «Лампа Вольфа», в честь ее изобретателя. В годы борьбы с космопо-

литизмом лампы стали именовать «Свет шахтера», по названию завода-изготовителя.

Сысолятин засел за работу. Мало кто знал о его заботах. Рабочий день растянулся на долгие часы. Так же узкому кругу лиц было известно, что Мастер уехал в Москву. Рассказывал, где был и что видел, уже по приезду.

Лампочка высотой чуть более двух сантиметров. Все детали у нее, как у настоящей. Только вместо фитиля ярко горит рубиновый камешек — «освещающая путь в светлое будущее». — по задумке заказчика сувенира. Крючком лампочка присоединялась к серебряному ромбику с большой диагональю в 15 миллиметров. На тыльной стороне ромбика выгравировано: «Н. С. Хрущеву в день 70-летия от горняков г. Артемовского Свердловской области. Выполнил А. М. Сысолятин 17 апреля 1964 года.»

Умельца принимал в Центральном комитете партии А. П. Кириленко. Все понравилось ему в лампочке — исполнение, надпись, «Демократическая», — от горняков*.

Мне захотелось узнать судьбу миниатюры А. М. Сысолятина. Но Сергей Никитич, к сожалению, не ответил.

О своем пребывании в Москве Александр Матвеевич рассказывал друзьям. Делился в тогдашней трестовской газете — многотиражке. Ясно, что было приятно ему слышать добрую оценку своего

* Как выяснилось через четверть века, фантазия заказчиков сувенира была ограничена. Это видно из книги: «Пенсионер союзного значения», написанной сыном Н. С. Хрущева Сергеем. ... «в доме накопилось множество адресов, сувениров, шкатулок, рисунков. Особенно много было макетов шахтерских ламп. Их дарили отцу все и по любому поводу — помнили его бывшую профессию. И сейчас с десяток ламп стоит у нас дома на полках...»

изделия. Да и само пребывание в правительственных апартаментах случается для простолюдинов не так часто. Сысолятин не скрывал радости. Но со временем у него стало появляться чувство, что восприятия от пребывания в «верхах» закрепились слоями. В одном слое — радость оценки его умения. В других отслаивались некоторые «мелочи».

Андрей Павлович Кириленко пригласил тогда Сысолятина в буфет. Тот сделал привычное движение в карман для предстоящего расчета. Но услышал от хозяина добродушное замечание: «Нет, платить не нужно, у нас здесь коммунизм». Вот такие «мелочи» врезались в память. Вначале они были прикрыты эйфорией приема, общения с представителями высшего руководства. Со временем всплывали наверх. Фраза, с шутливостью брошенная Кириленко, соединилась с широкообещательным обещанием Н. С. Хрущева о том, что «уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Тогда Сысолятин убедился, что в «отдельно взятом буфете» коммунизм уже был построен...

Среди тех, кому вручали миниатюрные поделки уральского Левши, были многие руководители иностранных государств. Как говорится, из песни слова не выкинешь. В благодарность Мастер получил именнные часы от Иосифа Броз Тито, фотоаппарат новейшей конструкции от Вальтера Ульбрихта.

Выполнял заказ Александр Матвеевич и для высокопоставленной иранской четы — шаха Пехлеви и шахини. Была попытка сделать заказ Мастеру от американцев: изготовить для Президента Д. Кеннеди миниатюрный военный корабль, как бывшему морскому офицеру. Это пришлось на период наиболее натянутых советско-американских отношений. Именно в ту пору у порога США, на территории Кубы, появились советские ракеты. По оценкам специалистов тогда был самый вероятнейший момент начала третьей, термоядерной войны. Этот период вошел в историю, как карибский кризис...

До «президентского» заказа американцы зондировали почву для заказа миниатюры в честь 100-летия со дня рождения гордости деловой Америки — Генри Форда.

Признание таланта А. М. Сысолятина выразилось и в том, что по указанию академика Сергея Павловича Королева ему был вручен микроскоп, с помощью которого Мастер расширил границы видения до величины, немыслимой для окружающих.

9. ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА

У Матрены Сергеевны и Матвея Аверьяновича было четыре сына. Младшему, Александру, когда началась война, было всего четыре дня сверх пятнадцати лет. Но и он успел повоевать. Сначала служил в пехоте, потом «поднялся» — перешел в авиацию. За храбрость в одном из воздушных боев удостоен боевой награды — медали «За боевые заслуги». Смертью храбрых пал Степан.

Средний, Николай, весь израненный вернулся домой. Прибыл в родные места и глава семейства Матвей Аверьянович. Иван, удостоенный звания Героя Советского Союза, стал кадровым военным. Александр продолжал нести службу авиамехаником еще шесть лет после Победы.

На счету у старшины Александра Сысолятина было несколько технических новшеств. Как-то надо было срочно сделать сварку в полевых условиях. Сысолятин изготовил сварочный аппарат от динамомашин. Потом предложил и внедрил сигнализацию стопорения хвостового колеса самолета. На досуге смастерил миниатюрный электромоторчик с ноготь величиной. Малютка-моторчик демонстрировался на армейской выставке изобразительного искусства и технического творчества воинов.

Перед демобилизацией командир части, прощаясь, сказал Сысолятину:

— Спасибо тебе за службу, Золотые руки у тебя..

Не «прорезался» бы в Сысолятине мастер-миниатюрист, быть бы ему незаурядным организатором. Это его качество уже просматривалось в армии, в вожаке молодежи шахты «Клара и Лара» и Артемовского машзавода. Оно, природное качество организатора, не угасло и тогда, когда он, уже известный Мастер, представлялся для многих человеком замкнутым, занятым «колдовством» над своими миниатюрами.

Для того, чтобы быть в форме, Сысолятину-микроминиатюристу, наверно, нужно было сочетать в себе Сысолятина-непоседу, генератора какой-либо идеи, для внедрения которой он добровольно делился своим временем.

Еще памятна многим эпопея с плотиной на реке Ирбитке. Вблизи шахтерского поселка появилось водохранилище. Возглавил народную стройку Сысолятин. И просчеты в проекте не его вина. Пруд вынуждены были спустить. На фоне того, что никто другой по уточненному проекту так и не смог за многие годы спустя поднять людей на это дело, еще раз подчеркивает сысолятинские способности организатора.

Однажды Буланашские шахты одна за другой превратились в картинную галерею. Почти восемь десятков картин, выполненных маслом, акварелью, тушью, карандашом, были представлены шахтерам. Это были работы члена Союза художников СССР А. Н. Селищева. Прислал художник свои картины по просьбе своего друга А. М. Сысолятина. «Хотелось, чтобы шахтеры посмотрели эти прекрасные работы», — объяснил Александр Матвеевич. И, конечно, не всякий знал, что художник проживает в Орле. И Сысолятин взял на себя хлопоты по транспортировке этого деликатного груза.

Как-то Сысолятин был в гостях у рабочих Рефтинской электростанции. В разговоре с ними выяс-

нилась такая несуразица. Живут они в поселке на расстоянии 16 километров от станции Рефт. Туда проложена железная дорога для транспортировки грузов. Но энергетики могут ездить в Артемовский, Реж, Алапаевск, Ирбит и другие города только через... Свердловск. Чего бы, казалось, проще использовать отрезок пути, соединяющий с магистралью. И взялся за дело Сысолятин.

Его «баталии» с руководством Свердловской железной дороги, с администрацией Рефтинской электростанции были долгими и нелегкими. Сысолятин не только спорил, но и предлагал практические варианты. Он даже выпросил со станции Тавда старый четырехосный пассажирский вагон, который был отремонтирован в депо Егоршино. Так что не скоро и не просто появилась в расписании движения пассажирских поездов станция Рефтинская. Но появилась!

А. М. Сысолятин был душой городской организации ДОСААФ. Его имя в документах этой организации появилось одновременно с ее основанием, и много лет подряд Сысолятин был заместителем председателя горкома ДОСААФ. Активным, творческим заместителем. В лаборатории автоматики, где он трудился, все были отличными стрелками и членами ДОСААФ. Такой уж его стиль организатора. И сам он был отличным стрелком. Однажды после тренировочных стрельб, (а тир приспособил Сысолятин у старого шахтного террикона) он задержался на работе. На утро, как бы оценивая вчерашние стрельбы, сказал товарищам: «Жалко пуль было. В «молоко» да в «молоко». Думаю, что эта вот штука поможет»—и он показал нехитрое приспособление для тренировки правильности прицеливания из винтовки.

— Выходит, ты хочешь сделать из нас снайперов. — пошутили товарищи.

— Ну, снайпера, может быть, и не получится из каждого, а в «молоко» меньше полетит пуль.

Много душевных сил отдавал Александр Матвеевич работе с ветеранами войны, как многолетний заместитель председателя городского совета. И этого для него было мало. Он любил выступать перед рабочими, учащимися.

Просьбы на его выступления поступали из разных мест страны. Темы его выступлений не только специфические, «как Левши». Помнится, с какой он страстью выступал о бережном отношении к хлебу.

Позже, беседуя с одним из специалистов-медиков, я услышал объяснение потребности общения, «выхода в народ». Оказывается, вся эта активная деятельность Мастеру была крайне необходима для... отдыха. Смена обстановки, нередко чересчур резкая — от мира микронов до проблем целого района — сбалансировывала ежедневную «средневзвешенную» жизнедеятельность. Участие в обычном, будничном служило ему своеобразным витамином для стимулирования работы в сугубо своем мире измерений и масштабов. В «сысолятинском» мире.

Он был большой оптимист. Никто не видел его унывающим, расстроенным, неудовлетворенным. В народе бытует такая притча. Проходя мимо большого строительства, прохожий поочередно обратился к рабочим, доставляющим на тачках грунт:

— Что вы делаете?

Первый ответил:

— Не видишь разве, землю возжу.

Второй: — Деньги зарабатываю!

Третий с улыбкой:

— Дворец строю.

Не уверен, знаком ли был Сысолятин с этой притчей, но, бесспорно, он относился к третьему типу рабочего. Он всегда радовался труду.

Обязательность — черта особенно ценяемая в человеке. Как-то не приходилось встречать людей, знавших Сысолятина, которые говорили бы: «Он обещал». Говорили: «Он сделал». И многих, которые обращались к нему с просьбами, долго пресле-

довало чувство должника перед ним. Он же ни перед кем не остался в долгу. Он поражал необычайно высоким чувством обязательности.

Однажды, торопясь выполнить работу в срок, который определил посетитель, а срок был жестким, не поддавался изменению — юбилей, Александр Матвеевич получил известие о смерти очень близкого человека. Ему надо было ехать поездом. Но и работа еще не завершена. За час до отхода поезда он позвонил: «Закончил. Можете забирать».

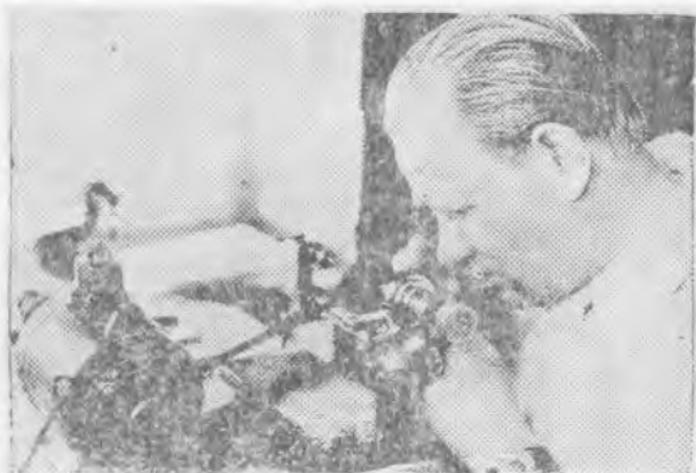
Самый яркий пример обязательности и самый последний в его жизни. Работал над специальным заказом для Москвы (опять этот пресс областного руководства!). Мастер рассчитал каждую минуту. Он успеет сделать, если сразу же «с пылу, с жару» поделку в областной центр увезет сам. Иначе времени не хватит. И успел все выполнить. Успел лично доставить. Но у Мастера не осталось времени вернуться домой...

Жизнь его отсчитывала последние минуты... Он умер прямо в здании облисполкома.

Почетного гражданина Артемовского хоронил весь город. Без преувеличения. Он был его гордостью. Одному из артемовцев пришлось переехать в большой город. Скажем прямо, в столицу. Новые условия требовали адаптации не только его самого, но и членов семьи. Больше всего вызывало беспокойство за сына-школьника. Класс отнесся к новичку настороженно — «чужак». Однажды новичок принес очерк о Сысолятине. Ребята этой школы слышали о нем. Конечно, не в деталях. А тут, оказывается, с ними в одном классе учится земляк умельца. Сразу же к новичку изменилось отношение. Появилась уважительность к месту, откуда приехал новый ученик. Одно имя Мастера подняло престиж небольшого и далекого уральского города.

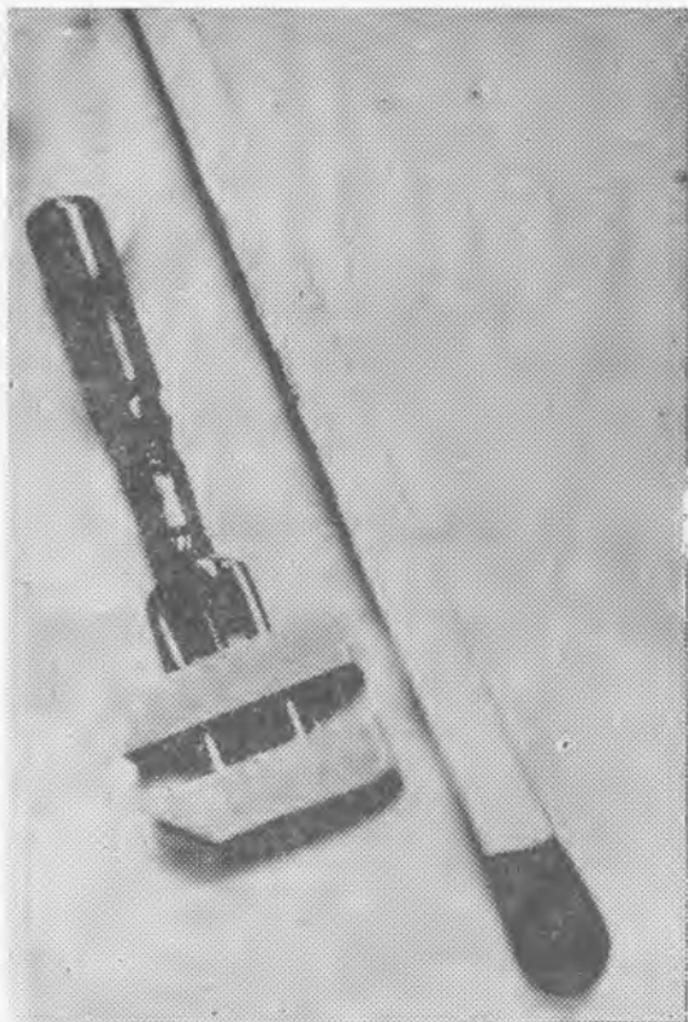
По инициативе почитателей его таланта, друзей создан «Фонд уральского Левши». Раз в два года за счет средств этого фонда лучшие умельцы (в «духе Сысолятина») будут награждаться дипломами и премией. Для чего это нужно? Для сохранения памяти об одном из достойных наших земляков — Почетном гражданине города, который для личного клейма применял такое понятное, простое и такое ответственное буквосочетание — «С. А М». — Сысолятин Александр Матвеевич.

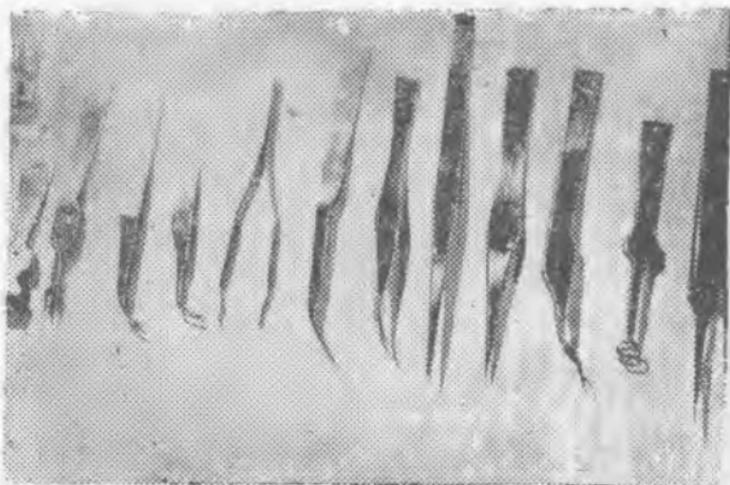
Мастер за работой.

Первая поделка, «открывшая» умельца.

Ручные тиски. По соседству спичка.

Набор микроинструментов.

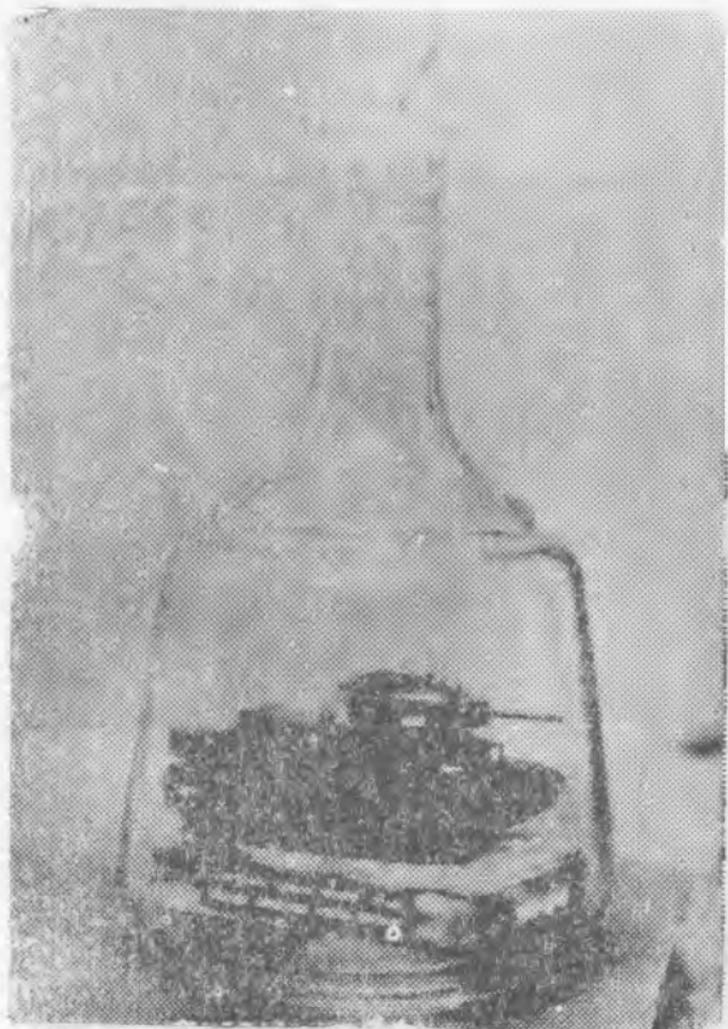
Муха попала в микрокапкан.

Велосипедная цепь по соседству с ниткой.

Болт с гайкой, нанизанный на струну.
Зубчатое колесо рядом с копеей

Подарки бывшего шахтера С. ЧЕПУРИНА,
последователя А. СЫСОЛЯТИНА.

С Министром угольной промышленности страны.
Б. Ф. БРАТЧЕНКО.

Со знаменитым спортсменом
ВАЛЕРИЕМ БРУМЕЛЕМ.

Могила А. М. СЫСОЛЯТИНА на городском
кладбище.

Содержание

	Стр.
1. Сувенир летит за океан	3
2. Какое поле занимает белый король?	12
3. «Люди, будьте бдительны!»	16
4. Инструменты и сейчас служат людям	19
5. Щедрое сердце	29
6. Драмы под микроскопом	32
7. Последователи	37
8. Из песни слова не выкинешь	40
9. Почетный гражданин города	43
10. Фотографии	49

Художник Р. А. Ахмадеев
Фотографии М. П. Корсукова и Э. А. Лузина.
Корректор А. А. Соболева

Издательство «Газета»
МХО «Исток»

Сдано в набор 5. 08. 1992. Подписано в печать
15. 10. 1992
Формат 60X84 1/32 Гарнитура новогазетная
Печать высокая объем 2 печ. листа
Зак. № 4006 тир. 15000

Артемовская типография
Упринформпечати Свердловского облисполкома
623750 Свердловская обл., г Артемовский,
ул. Гагарина, 19

